

материалов, связанных с многочисленными литературными объединениями и группировками 20-х годов.

Но, как нам кажется, работа оказалась несвободной от ряда недостатков. В указатель не вошли некоторые, на наш взгляд, довольно важные работы, кстати сказать, отраженные в библиографическом аппарате нынешней «Литературной энциклопедии» (например, издания группы «конструктивистов» — «Госплан литературы» и «Бизнес»). Далее: трудно понять, какими соображениями руководствовались составители, не включив в указатель литературоведческие и критические работы по такому вполне сложившемуся и полноправному жанру советской литературы, как поэтический перевод.

У этого жанра свои традиции, свои особые законы; поэтические переводы А. Ахматовой, М. Лозинского, Б. Пастернака, Д. Самойлова и других не только завоевали призна-

ние у нас и за рубежом, но и вызвали к жизни целый поток критических и исследовательских работ. А на страницах указателя не нашлось места даже для «Высокого искусства» К. Чуковского.

По мысли составителей, указатель должен явиться первым среди целой серии библиографических работ, которые будут посвящены отдельным проблемам литературно-критического творчества, проблемам теории литературы, *personalia* отдельных авторов, литературам народов СССР, литературам зарубежных стран. Работа над составлением подобных указателей сопряжена с целым рядом трудностей, и прежде всего с недостатком специалистов и нехваткой времени. Но мы надеемся, что эти работы со временем увидят свет, ибо они нужны. По-настоящему нужны.

М. РАШКОВСКАЯ, Е. РАШКОВСКИЙ

ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ БЫЛИН*

Потребность в обобщающем историко-библиографическом труде по русскому эпосу остро ощущалась в последнее время в нашей науке. И дело было не только и не столько в обилии накопившейся за 150 с лишним лет литературы, требовавшей систематизации и критической оценки. Главная причина состояла в том, что в исследовании былин современная фольклористика настойчиво ищет новые пути и заново пересматривает

многие установившиеся истины. На первый план выдвигаются наиболее дискуссионные, наименее проясненные вопросы генезиса и истории русского эпоса, его художественного своеобразия и отношения к действительности.

В этих условиях особенно важно взглянуть на современные проблемы с точки зрения предшествующего опыта науки, проследить становление и развитие отдельных концепций, выявить их преемственность, отграничить достижения от заблуждений и ошибок.

Книга А. Астаховой, соединяя «итоги» и «проблемы», наилучшим об-

* А. М. Астахова, Былины. Итоги и проблемы изучения, «Наука», М.—Л. 1966, 292 стр.

разом служит этим задачам. Перед нами не просто солидный историографический труд, но и фундаментальное исследование по русскому эпосу, в котором индивидуальность крупного ученого проявилась с большой определенностью.

Собственно историографическая сторона книги должна быть оценена очень высоко. Читатель найдет здесь хорошо организованную и продуманную систему сведений по всем основным темам изучения былин. Обширный материал тщательно отобран и исторически осмыслен. Учтены не только классические труды по русскому эпосу, но и вся основная масса литературы, в том числе нередко работы забытые, малоизвестные. Должное место в историографических обзорах заняли деятели передовой общественной мысли, революционные демократы. С большой полнотой использованы работы советских ученых. В характеристиках, которые даются исследованиям и исследователям, автор стремится ясно определить их место в общем движении науки, отметить их значение, извлечь наиболее ценное и перспективное, исторически объяснить ограниченность и недостатки тех или иных концепций. Спокойный и объективный тон, принципиальность оценок и полемики придают историографическим обзорам книги убедительность и надежность.

Естественно, что отдельные характеристики и замечания могут вызвать возражения. Иногда внимание автора распределяется по отношению к разным ученым и книгам не вполне пропорционально. Например, совсем не упоминаются труды А. Потебни. Не назван фундаментальный труд М. Халанского «Южнославянские сказания о кралевице Марке...», который включает довольно цельную концепцию

возникновения и истории русского эпоса. Недостаточное внимание, на мой взгляд, уделено работам И. Созонова, отсутствуют указания на исследования Е. Карского, Н. Сумцова. Разумеется, исчерпывающая библиографическая полнота не была целью рецензируемой книги, тем не менее некоторые пропуски имен и названий досадны.

Книга обращена к *русской науке* о былинах, и здесь она содержит систематические и достаточно полные сведения. Зарубежная литература, как поясняет сам автор, привлекается лишь в отдельных случаях. Конечно, и те немногие упоминания, какие есть в книге, дают известное представление о путях изучения былин в европейской науке. Однако тема эта в целом требует специального и самого пристального внимания. Русский эпос давно составляет предмет интереса зарубежной науки. А кроме того,— что особенно важно,— опыт русской науки находил отклик в трудах зарубежных ученых, посвященных эпическому творчеству различных народов. В частности, было бы полезно сопоставить выводы и наблюдения «русской школы» относительно живого эпоса с соответствующими исследованиями болгарских и югославских ученых (М. Арнаудов, М. Мурко, Р. Меденица и др.). Давно следует выяснить вопрос об отношении русской «исторической школы» к аналогичному направлению в южнославянской науке. Недостаточно еще выявлен и вклад зарубежных ученых в сравнительное изучение русского эпоса. В рецензируемой книге не учтены также в должной мере работы украинских фольклористов о взаимоотношениях русского и украинского эпоса, например труды М. Драгоманова, а также исследователей советского времени.

Книга А. Астаховой лишний раз напоминает о необходимости широких разысканий и принципиальной оценки того, что сделано в области изучения былин за пределами русской науки.

Сколь бы ни были значительны собственно историографические аспекты рецензируемого труда, главные его достоинства определяются прежде всего тем, что в нем с большой полнотой и объективностью раскрыто состояние науки о русском эпосе.

Определение жанра и термин «былина», классификация былин, генезис и развитие былинного жанра, изучение былин как памятников народной поэзии, вопросы эпического стиля, история собирания и публикации былинного эпоса, география распространения былин, форма и судьбы устной былинной традиции в XVIII—XX веках — вот тот круг проблем, который по преимуществу занимал русскую науку и который в значительной степени сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Каждой из этих проблем автор посвящает специальную главу или раздел.

Обобщая результаты изучения той или иной темы, А. Астахова фиксирует внимание на нерешенных, спорных, требующих дальнейшего исследования аспектах. Учитывая характер «итогов», отталкиваясь от достигнутого, она выявляет в различных концепциях их слабые и уязвимые места, ставит перед исследователями вопросы, предлагает пути дальнейших поисков и решений. Многочисленные замечания и соображения, содержащиеся в книге, даже не будучи сведены воедино, заключают обширную программу, которая тем более значительна, что она опирается не только на прочные историографические основы, но и на богатый исследовательский опыт автора, на ее собственные

десятилетиями выношенные представления о русском эпосе.

В своих прежних трудах А. Астахова неизменно соединяла теоретическую направленность и интерес к вопросам истории с непосредственным и глубоким знанием материала, добытым во время многочисленных поездок по Северу. Ныне, когда живой былинный эпос угас и стал великим достоянием книг, знания, которыми обладает А. Астахова, приобретают особую ценность. Поэтому с особым интересом читаются главы книги, посвященные собиранию былин, условиям их бытования, их судьбам.

Замечательна в этом смысле глава о формах и судьбах былинной традиции в XVIII—XX веках — лучший, на мой взгляд, в нашей литературе обобщающий очерк на эту тему. При всех его достоинствах не могу, однако, не высказать сожаления об отсутствии здесь предложений по дальнейшему изучению этого круга проблем, в частности проблемы сказительства. Конечно, возможности такого изучения ныне ограничены, поскольку живое сказительское искусство угасло. Однако богатые материалы, собранные несколькими поколениями фольклористов, осмыслены далеко еще не в полной мере. Не все выводы, сделанные на основании этих материалов, могут считаться бесспорными. В частности, чрезвычайно важный вопрос о том, как реально усваивались, запоминались и воспроизводились былины сказителями, нуждается в дальнейшем исследовании, в первую очередь на основе анализа имеющихся записей былин.

Воздавая должное заслугам «русской школы» в деле изучения сказительского искусства, мы не можем одновременно не пожалеть о допу-

ценных при этом пробелах, увы, ныне не восполнимых: о крайне малом числе повторных записей, об отсутствии специально поставленных экспериментов, выводы из которых были бы сейчас так необходимы. К сожалению, соответствующая глава книги этих вопросов не затрагивает: «итоги», обобщенные в ней с большой основательностью и сами по себе весьма внушительные, недостаточно осмыслены в плане современных задач и перспектив изучения эпоса.

Большое практическое значение будет иметь исчерпывающий по материалу обзор истории собирания и публикации былин (глава V). Здесь содержатся научно обоснованные рекомендации по изданию памятников русского эпоса. В частности, справедливо выдвигается на первый план задача издания сводных томов, в которых должны быть собраны многочисленные записи из разных районов, рассыпанные ныне по отдельным публикациям, а частично и неопубликованные.

Главное внимание привлекают, конечно, те разделы книги, которые посвящены наиболее значимым и дискуссионным вопросам истории и художественной сущности эпоса. Здесь автор — и как историограф, и как исследователь — включается в обсуждение современных проблем, так или иначе формулирует свое отношение к ним, говорит о ближайших и насущных задачах науки.

Среди них одна из самых важных — проблема связей русского эпоса с исторической действительностью. Автор выступает последовательным и убежденным сторонником народности и демократизма русского эпоса и с этих позиций рассматривает различные теории его генезиса. А. Астахова сосредоточивает главное внимание на возникшем уже в наше время

споре между двумя основными направлениями: одно из них видит в былинах художественные обобщения, другое — отражение конкретных летописных фактов; одно понимает историзм как художественное выражение народного исторического сознания в специфических формах эпического творчества, другое усматривает историзм былин в фиксации исторических событий. Творческая полемика между этими направлениями далеко еще не закончена, и поэтому критический разбор соответствующих работ в рецензируемой книге весьма полезен. Перед учеными первого направления А. Астахова закономерно ставит вопрос о необходимости изучения причин и путей возникновения обобщенной формы былин: «...Изначальная ли это форма, или, быть может, она — результат длительного процесса...» Вместе с тем А. Астахова находит веские аргументы, доказывающие зыбкость и неосновательность попыток сблизить содержание былин с летописными фактами. Ее позиция в этом вопросе выражена с большой четкостью и не может не вызвать сочувствия: «Для автора данной книги совершенно очевидно, что в раскрытии исторических основ русского былинного эпоса единственно плодотворный путь — исходить из уяснения художественного замысла былин и отраженных в них народных идеалов, а также характера сюжетных ситуаций и образов... Все это должно быть соотнесено с исторической реальностью в широком плане, то есть с особенностями исторической обстановки, быта, общественных отношений и т. п. — со всем тем, что определяет народное сознание на разных ступенях его развития и отражается в художественном творчестве». Добавлю к этому, что совершенно необходимо учитывать роль эпической

традиции и специфических законов эпоса как своеобразного типа художественного творчества.

В связи с проблемой историзма, и особенно проблемой генезиса былин, А. Астахова касается сравнительно-исторического изучения русского эпоса. В заключении к книге она вновь обращается к этой же теме, подчеркивая, как важно «возобновить на новых методологических началах историко-сравнительное изучение русского эпоса с южнославянским».

Автор справедливо видит в таком изучении один из эффективных путей прояснения ряда вопросов истории и художественного своеобразия

русского эпоса в целом и отдельных его циклов и сюжетов. Надо надеяться, что этот призыв будет воплощен в конкретных исследованиях.

Трудно в пределах небольшой рецензии обозреть все разнообразие содержания книги А. Астаховой. Читатель будет обращаться к ней по многим поводам. Превосходный справочный труд, историографическое исследование, критический обзор основных проблем изучения русского эпоса, эта книга станет настольной для всех, кто интересуется и тем более специально занимается былинами.

Б. ПУТИЛОВ

г. Ленинград

НЕОБХОДИМА ОСТОРОЖНОСТЬ*

Известный буржуазный славист издал курс своих лекций по русской литературе.

Как говорится в авторском предисловии, книга должна «прежде всего служить руководством для занятий все увеличивающемуся количеству студентов». Задача эта — ответственная, и, естественно, возникает вопрос: куда ведет студентов «руководство» Д. Чижевского?

Его труд охватывает первую половину XIX столетия и посвящен русскому романтизму. Но каждому известно, что романтическое движение не исчерпывает истории русской литературы первой половины прошлого века. Ни «Борис Годунов», ни «Евгений Онегин», ни «Повести Белкина», ни «Герой нашего времени», ни «Ревизор» и «Мертвые души» не вмещаются в это понятие. Однако это

не смущает Д. Чижевского. По его мнению, все творчество Пушкина укладывается в рамки «раннего русского романтизма», Гоголь и «натуральная школа» — в «романтическую прозу», а «Герой нашего времени» — в «поздний романтизм». «Евгений Онегин» относится «к типу байронической поэмы», в «Повестях Белкина», и в частности «Станционном смотрителе», обнаружены и «романтическая тема», и «стиль романтической прозы».

Д. Чижевский знает, конечно, что своеобразие Пушкина многие усматривали именно в его движении к реализму. Поэтому он обещает еще вернуться к данному вопросу. Зато о Гоголе, по его мнению, и разговаривать нечего. «Поэтика Гоголя, — пишет он, — отличается от всякого реализма тем, что Гоголь отнюдь не стремился даже к отдаленнейшему сходству своего изображения с действительностью», натуральная же школа «готовила переход к реализ-

* D. Tschizewskij, Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts, I. Die Romantik, München, Eidos Verlag, 1964, 184 S.